

УДК 94(47)

ВАСИЛЬЕВ Юрий Альбертович — доктор исторических наук, профессор Московского гуманитарного университета (111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5; historymosgy@mail.ru)

БЫЛ ЛИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ НЕОКАНТИАНЦЕМ В ИСТОРИИ?

Аннотация. Отмечая влияние идей кантианства и неокантианства на развитие интеллектуальной мысли в России XIX в., в т.ч. исторической науки, автор статьи опровергает распространенное мнение об определении теории истории А.С. Лаппо-Данилевского как неокантианской. Автор обосновывает утверждение, что отождествление концепции Лаппо-Данилевского с неокантианством произошло в период господства так называемой марксистско-ленинской науки.

В отличие от неокантианцев, российский ученый не разделял противопоставление номотетического подхода, направленного на выявление закономерностей в естественных науках, и идеографического подхода, ориентированного на объяснение уникальных, неповторимых явлений в гуманитарных науках. Он считал, что одно и то же явление можно изучать с двух различных точек зрения. Однако русский ученый в своей системе разграничивал номотетический и идеографический подходы, не допуская их механического синтеза в теории истории.

Ключевые слова: теория и методология истории, неокантианство, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.И. Кареев, номотетика, идеография, русская историческая школа

Значимость влияния идей кантианства и неокантианства на развитие интеллектуальной мысли в России XIX в., в т.ч. исторической науки, несомненна [Васильева 2013, 2015а, 2015б]. В этой связи до сих пор не прекращаются споры о том, к какому исследовательскому направлению следует отнести научное наследие замечательного представителя русской исторической школы А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919). Российский методолог и теоретик истории выделял две познавательные стратегии, выраженные в неокантианстве терминологией В. Виндельбанда: номотетику (изучение общего, закономерностей) и идеографию (исследование особенного, уникального). Применение обоих подходов по отношению к историческому процессу, по Лаппо-Данилевскому, позволяет выявить общее и специфическое в истории.

Теория истории, разработанная А.С. Лаппо-Данилевским (методология истории, по его определению), современна. Она созвучна передовым идеям мировой интеллектуальной мысли, утверждающим значимость существенных параметров национального культурно-исторического кода, включающих идеографические аспекты архетипа, российской идентичности, которые являются экзистенциальной основой нашей идентичности, определяющей развитие отечественной истории [Лапшин 2013, 2014а, 2014б].

Теория Лаппо-Данилевского в значительной степени продвинула неокантианство В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Однако для русского мыслителя теоретические положения неокантианцев имели инструментальное значение для построения собственной научной системы. В этой связи представляется неубедительным упрек по поводу непонимания идей Лаппо-Данилевского в адрес другого выдающегося российского теоретика истории — Н.И. Кареева: якобы именно от Кареева, «бегло коснувшегося идей “Методологии истории”», берет свое начало определение ориентированности концепции Лаппо-Данилевского как неокантианской» [Медушевская 2008: 190]. Во втором издании кареевской «Теории исторического знания» (1916 г.) в примечании содержится упоминание автора «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского, «усвоившего терминологию Виндельбанда и защищающего идеографичность истории» [Кареев

1916: 22]. Так в чем же Кареев был не прав? Лаппо-Данилевский действительно использовал («усвоил», как выразился Кареев) основную терминологию основоположников баденской школы неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта (номотетический, идеографический подходы, значимость проблемы ценности). Он выявлял специфику истории как науки идеографической, понимаемой им как историческое исследование восхождения от единичного к общему. Это относилось как к теории истории, так и к методам исторического изучения. Так что «беглая» характеристика Кареева в отношении своего коллеги отличалась не только краткостью, но и отточенностью вполне обоснованной формулировки. Следует отметить, что Кареев раньше неокантианцев Виндельбанда и Риккерта осуществил разделение наук, по кареевской терминологии, на номологические (включая философию, социологию, психологию) и феноменологические, к которым относил историю. Позднее Кареев согласился с термином Виндельбанда «идеографический», но свое понятие «номологический» считал более удачным в сравнении с «номотетическим».

Н.И. Кареев не определял концепцию Лаппо-Данилевского как неокантианскую, соответственно, не мог считать своего коллегу «приверженцем неокантианской философии», как это ему приписали¹. Чтобы быть точным в трактовке, следует обратиться к статье Н.И. Кареева «Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского», опубликованной в «Русском историческом журнале» после смерти Лаппо-Данилевского, в которой содержался не «беглый», а специальный анализ научного наследия ученого. По оценке Кареева, его коллеги «примыкал к кантианскому критицизму, а из представителей последнего на него оказали влияние Виндельбанд и Риккерт», однако, по кареевской оценке, «основную роль в построении исторической методологии Лаппо-Данилевского играло различие между номотетическим и идеографическим знанием». При этом Кареев особо оговорил, что Лаппо-Данилевский не был пассивным последователем неокантианцев, напротив, критически воспринимал их теорию [Кареев 1920]. Главный труд Лаппо-Данилевского «Методология истории» он называл работой «очень цельной, очень стройной и очень полной, отличающейся, кроме того, и большою, в общем, точностью как отдельных научных понятий, так и всех высказываемых суждений» [Кареев 1920: 128].

Можно утверждать, в опровержение критиков Кареева, что основные теоретико-методологические воззрения двух великих российских теоретиков истории отличались созвучностью в рамках единой философско-исторической традиции русской исторической школы. Сходство понимания истории выражено в словах Кареева, что для Лаппо-Данилевского приемлемы были и номотетическая, и идеографическая точки зрения, «но каждая из них, в отдельности взятая, не в состоянии вполне упорядочить и систематизировать данные нашего опыта, и отсюда необходимость сочетания обеих как дополняющих одна другую, как изучающих одно и то же, только взятое с разных сторон» [Кареев 1920: 124]. Кареев повторил в 1916 г. утверждение Лаппо-Данилевского о том, что одно и то же может изучаться на научной основе и идеографически, и номологически [Кареев 1916: 27].

Отождествление концепции Лаппо-Данилевского с неокантианством произошло в период господства марксистско-ленинской философии. Если в 1920-х гг. официальная историография утверждала отсутствие у Лаппо-Данилевского какой-либо теории вообще, то в 1940-х гг., по сути, творчеству великого русского мыслителя был вынесен приговор: ученый был объявлен «буржуазным историком», «неокантианцем», автором «системы неокантианской методологии

¹ Медушевская О.М. Лаппо-Данилевский. — *Общественная мысль России XVIII — начала XX века: энциклопедия*. М.: РОССПЭН. 2005. С. 249.

истории», «неокантианской гносеологии». К сожалению, историографические штампы оказываются весьма живучими и сегодня.

В отличие от неокантианцев, российский ученый не разделял противопоставление номотетического подхода, направленного на выявление закономерностей в естественных науках, и идеографического подхода, ориентированного на объяснение уникальных, неповторимых явлений в науках о духе. Лаппо-Данилевский настаивал на необходимости применения обоих подходов как в науках о культуре, так и в науках о природе. Он считал, что одно и то же явление можно изучать с двух различных точек зрения: с одной стороны, в каждом явлении есть общее с другими; с другой – любое явление представляется частью некоего целого, оставаясь единственным в своем роде и индивидуальным. В первом случае исследование может проводиться с номотетической точки зрения, во втором – с идеографической. Однако русский ученый в своей системе разграничивал номотетический и идеографический подходы, не допуская их механического синтеза в теории истории, а в методах исторического построения («специальная методология истории») допускал сочетание двух методов, причем основным считал идеографический.

А.С. Лаппо-Данилевский дал критическую характеристику каждого из исследовательских подходов в отдельности. Характеристика номотетического подхода свидетельствует о невозможности при помощи принципов одного только номотетического построения объединить совокупность наших знаний хотя бы об одном данном объекте. Приверженцы номотетического направления настаивали на построении исторических законов. Однако историческими законами они называли лишь эмпирические или типологические обобщения. Подобные исторические обобщения, по оценке Лаппо-Данилевского, можно назвать скорее феноменологическими или эволюционными типами, чем эмпирическими обобщениями. Номотетическое, обобщенное знание не в состоянии удовлетворить исследовательский интерес к конкретной исторической действительности. Необходимо знание индивидуальных особенностей данного объекта. Поэтому номотетическое построение исторического знания предполагает возможность другой точки зрения на историю – идеографической. По Лаппо-Данилевскому, номотетическое построение при помощи общих понятий не может охватить все многообразие и своеобразие явлений. Оно не дает знания индивидуальных особенностей действительности. Кроме того, оно не может установить достаточно обоснованные принципы или критерии выбора конкретных исторических фактов, имеющих историческое значение. С номотетической точки зрения историк упускает из виду или произвольно исключает из своих наблюдений факты (личности, события и т.п.), которые являются значимыми для истории [Лаппо-Данилевский 2006: 130-132, 143, 177].

Неокантианские основатели идеографического построения, по оценке Лаппо-Данилевского, не принимали во внимание многочисленность и длительность последствий, связь последствий в ряду эволюции. В результате из понимания исторического развития выпадало выяснение исторического значения звеньев эволюционного ряда как части одного эволюционного целого в человеческом развитии. Причина подобного заблуждения заключалась в установке на противопоставление исторической науки естественным наукам. Такое разделение наук представлялось Лаппо-Данилевскому искусственным: игнорировался факт использования представителями естественных наук тех же принципов, которые употребляются историками. Один и тот же объект может рассматриваться не только с номотетической точки зрения, но и с идеографической [Лаппо-Данилевский 2006: 179, 228-229]. В идеографическом изучении конкретной действительности используются выводы обобщающих наук для научного ее пони-

мания. В своих построениях историк пользуется и номологическими, и типологическими обобщениями. Но их установление не является целью исторического познания: историк прибегает к готовым обобщениям в качестве средств, необходимых для понимания конкретно данной действительности. Пользуясь общими понятиями, исследователь истории изучает индивидуальное [Лаппо-Данилевский 2006: 179, 180, 184].

Размышления Лаппо-Данилевского ассоциативны также с феноменологическим направлением, в частности с феноменологией Э. Гуссерля. Его концепция нередко именуется феноменологической (представление о мировом целом как предельном объекте науки, человечестве как особой, наделенной сознанием части мирового целого; утверждение цельности и единства истории человечества: на всем своем временном протяжении – это эволюционное целое человечества и на каждый данный момент – коэкзистенциальное целое человечества; трактовка истории народа, страны, личности как части этого целого). Теоретический подход русского мыслителя близок также к созданию глобальной истории¹ [Медушевская 2010: 303, 520]. Теория истории Лаппо-Данилевского созвучна не только феноменологии, но и философии жизни В. Дильтея, Г. Зиммеля (признание принципа чужой одушевленности, понимание «чужого» сознания, «чужого Я»), современной теории возвышенного исторического опыта Ф. Анкерсмита.

Наряду с Н.И. Кареевым и В.О. Ключевским, А.С. Лаппо-Данилевский может быть назван одним из основателей психологического направления в русской исторической школе. В его теории истории понятие о единстве чужого сознания дополнялось положением о единстве сознания исторического субъекта, обуславливающим единство его действий. Принцип признания чужой одушевленности, сформулированный Лаппо-Данилевским, предполагалось использовать в качестве научной гипотезы в познании реальной действительности для объединения и объяснения эмпирических данных. Кроме того, данный принцип определялся также в качестве нравственного постулата, без которого нельзя представить «другого», в отношении к которому поведение должно получить нравственный характер. Свидетельством признания принципа чужой одушевленности Лаппо-Данилевского, по сути, является известный пример со средневековой деревней Монтайю, который стал хрестоматийным в современном историописании в качестве показателя необходимости постичь духовный мир человека прошлого в историческом исследовании. Указанный предмет исследования был разработан известным представителем школы «Анналов» Ле Руа Ладюри, который изучал, «как жил» или «как чувствовал» себя житель деревни Монтайю в XIII в.

Одним из базовых теоретических положений Лаппо-Данилевского в области психологических аспектов исторической науки являлось его понимание исторического источника как реализованного продукта человеческой психики. Данное понимание основывалось на признании целеполагающей человеческой деятельности, которой источник был вызван. Психологическое истолкование источника основано на принципе признания чужой одушевленности: оно исходит из понятия о чужом сознании, обнаружившемся в данном продукте, и применяется ко всякому реальному объекту.

Теория исторического знания в понимании Лаппо-Данилевского должна занимать место установлением принципов исторического знания, основанных на синтетических принципах мышления. Важным принципом исторического знания Лаппо-Данилевский считал синтетический подход в реконструкции про-

¹ Медушевская О.М. Лаппо-Данилевский. – *Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия*. М.: РОССПЭН. 2005. С. 249-250.

шлого. При изучении действительности историк не может ограничиться ее разложением на составные элементы, из которых она образовалась. Именно в ее целостности проявляется историческое значение. Для воспроизведения действительности историк должен научно построить ее посредством синтеза. Исследователь не только исходит из действительности, но он стремится вернуться к ней: разложив ее на элементы, он пытается представить их себе в синтезе. Синтетический характер принципов исторического знания обосновывался положением о единстве, последовательности и согласованности человеческого мышления. Сознание, характеризующее систематическим единством понятий, по Лаппо-Данилевскому, требует адекватного единства в знании, особенно в науке. Подобно сознанию, отличающемуся единством, наука предстает объединенным знанием.

Опираясь на опыт российской и мировой науки, Лаппо-Данилевский интегрировал в созданную им собственную оригинальную научную систему достижения современного ему научного знания. Теория истории Лаппо-Данилевского выходит далеко за рамки национальной историографии — она внесла значимый вклад в развитие мировой интеллектуальной мысли.

Список литературы

Васильева М.Ю. 2013. Учение о мире в диссертации И. Канта «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира». — *Философские науки*. № 10. С. 106-114.

Васильева М.Ю. 2015а. Проблема свободы воли в философии И. Канта. — *Вестник Московского университета*. Сер. 7. Философия. № 6. С. 27-31.

Васильева М.Ю. 2015б. Проблема свободы воли в трансцендентальной философии И. Канта. — *Власть*. № 7. С. 96-101.

Кареев Н. 1916. *Историка (Теория исторического знания)*. 2-е изд. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича. 281 с.

Кареев Н. 1920. Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского. — *Русский исторический журнал*. Кн. 6. С. 112-131.

Лаппо-Данилевский А.С. 2006. *Методология истории*. М.: ИД «Территория будущего». 472 с.

Лапшин А. О. 2013. Прежде всего, о том, почему мы публикуем этот текст. — *Власть*. № 4. С. 4.

Лапшин А. О. 2014а. Российская матрица. — *Власть*. № 2. С. 15-16.

Лапшин А.О. 2014б. Российская идентичность как фактор национальной безопасности: прямые и обратные зависимости. — *Власть*. № 11. С. 5-6.

Медушевская О.М. 2008. *Теория и методология когнитивной истории*. М.: Изд-во РГГУ. 358 с.

Медушевская О.М. 2010. *Теория исторического познания: избранные произведения*. СПб: Университетская книга. 571 с.

VASIL'EV Yuriy Al'bertovich, *Dr.Sci.(Hist.)*, Professor of Moscow University for the Humanities (5 Yunosti St, Moscow, Russia, 111395; historymosgy@mail.ru)

WAS A.S. LAPPO-DANILEVSKY NEO-KANTIAN IN HISTORY?

Abstract. Noting the impact of Neo-Kantian ideas on the development of intellectual thought in Russia of the 19th century, including historical science, the author refutes the widespread view on the definition of the theory of history of A.S. Lappo-Danilevsky as a Neo-Kantian one. He substantiates the claim that identification of the concept of Lappo-Danilevsky with Neo-Kantianism happened in the period of domination of the so-called Marxist-Leninist science.

Unlike Neo-Kantians, the Russian scientist did not share the opposition of the nomothetic approach aimed at identification of patterns in the natural sciences, and idiographic approach based on an explanation of unique phenomena in the humanities. He believed that one could study the same phenomenon from two different points of view. However, the Russian scientist in his system differentiated nomothetic and idiographic approaches, preventing their mechanical synthesis in the theory of history.

Keywords: theory and methodology of history, Neo-Kantianism, A.S. Lappo-Danilevsky, N.I. Kareev, nomothetic, idiographic, Russian historical school

УДК 316.614

ШИЛОВ Владимир Викторович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой общенаучных дисциплин Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета (618400, Россия, Пермский край, г. Березники ул. Химиков, 10; vvs595959@mail.ru); член правления Пермского отделения Российского общества социологов

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ИНЖЕНЕРА В.Ф. ЧЕРНОВА В ЭПОХУ ТОТАЛИТАРИЗМА

2-я часть

Аннотация. В статье рассматриваются сложные этапы жизненного пути В.Ф. Чернова – выдающегося ученого и организатора содового производства, внесшего огромный вклад в развитие содовой промышленности в советский период. На основе выявленных архивных данных показаны трагические страницы отечественной истории в период «большого террора» и гражданское мужество представителя инженерного корпуса Западного Урала В.Ф. Чернова.

Ключевые слова: содовая промышленность, репрессии, несгибаемый характер, реабилитация, память, уроки истории

В своих биографических записках, фрагмент из которых приведем ниже (рукопись не завершена, хранится в корпоративном музее ОАО «Березниковский содовый завод») инженер В.Ф. Чернов писал: «...10 ноября 1938 г. я был арестован. Через 1–2 дня был вызван к следователю Пулову, и мне были предъявлены обвинения по ст. 58, пункты: диверсия, шпионаж, участие в организации, имеющей своей конечной целью свержение законного правительства. Конечно, я ответил, что подобное обвинение беспочвенно и вызывает лишь ироничную улыбку... Заметно было, что и сам следователь чувствовал себя неловко...»¹

В начале 1940 г. В.Ф. Чернов был переведен из Березников в Соликамскую

¹ Музей ОАО «Березниковский содовый завод». Фонд В.Ф. Чернов. Записки инженера. Автобиография. Рукопись.